

Молодая дѣвушка поспѣшила исполнить его приказаніе. »Вѣрно что-нибудь инпересное, бапюшка!« сказала она.

— »Да шакое инпересное,« — отвѣчалъ съ жаромъ Анисимъ Аникѣвичъ, положивъ на диванъ раскрытую книгу, а на нее серебряную шабакерку съ чернью, — »шакое инпересное, что я опшъ-роду не слыхивалъ, да и во спѣ мнѣ не грѣзилось! —

— »Ахъ, мои мапушки!« вскричала Спепанида Гавриловна: »ужь не опашь ли было наводненіе въ Писерь?«

— »Не наводненіе, мапушка, а наважденіе, если эшо, просни Господи, не враки! Дѣло идетъ о какомъ-шо Магнепизмѣ. Слыхала ли шы про него, когда была въ Пешербургѣ, Пашенька?« —

Пашенька вздрогнула, какъ будшо вспомнила о чемъ-шо спрашномъ и отврапительномъ. »Слыхала, бапюшка!« сказала она въ полголоса.

— »Разсказывай, что шакое?« — вскричалъ Анисимъ Аникѣвичъ, и опашь поставилъ на столъ серебряный спаканъ, поднесенный ужь къ губамъ.

»Года чепыре пому назадъ«, начала разсказывать Пашенька, »когда шолько-чшо взяли меня изъ пансіона, я часшо бывала въ домѣ Графини N***. У нихъ была горничная дѣвушка, которая вдругъ впала въ спранную и необыкновенную болѣзнь. Звали ее Кашерной. Кашерина, сначала рѣдко, потомъ чаще, наконецъ раза два или три въ день получала припадки, во время которыхъ она плакала, смѣялась, говорила, Богъ знаетъ что, чего послѣ сама никакъ не помнила! Припадки эши оканчивались обыкновенно конвульсіями..

— »А что эшо шакое, конвульсіи?« спросила Спепанида Гавриловна.

— »Конвульсіи,« отвѣчалъ Анисимъ Аникѣвичъ съ примѣшнымъ неперпнїемъ, — »нечшо иное какъ кривлянья, — вопшъ какъ шы кривляешься, когда спрадаешь живопомъ . . . .

— »Конвульсіи не шо, что кривлянье,« подхватила Паша, вступая за мать: »эшо родъ судорогъ. . . —

— »Знаю, мой другъ, знаю,« прервалъ ее отецъ, качая головою. »Продолжай, Пашенька.«

— »Припадки Кашерной обыкновенно оканчивались конвульсіями, на которыя спрашно было смопрѣшь! Мнѣ нѣсколько разъ случалось видѣть эши конвульсіи и опшъ одного воспоминанія у меня на головѣ волосы шевелятся! Вообразите себѣ, бапюшка, что въ продолженіе эшихъ конвульсій двое мужчинъ не въ состояніи были ее удержашь; она такъ изгибалась, что никакъ не могъ смопрѣшь на нее безъ ужаса! — Иногда голова ея заворачивалась назадъ, такъ, что сходилась почти съ ногами. . .

— »Унаси Господи!« вскричала Гавриловна. »Пашенька! да она вѣрно была бѣснующаяся?«

— »И въ Пешербургѣ многіе шамъ полагаали,« — сказала Паша.

— »Вопшъ видишь, Анисимъ!« опашь вскричала Гавриловна: »спало бышь, я еще не совсѣмъ пошлая дура! И въ Пешербургѣ вѣрашь бѣснующимся. . .

— »Ахъ, мапушка! кшо говоритъ, что шы дура?« — сказалъ съ досадото Аникѣвичъ. — »Я знаю, что шы умна, черезъ чуръ умна! (Надоѣла, какъ горькая рѣдка, проворчалъ онъ себѣ подъ-носъ). Продолжай, Пашенька!

(Окончаніе въ слѣдующемъ N°.)

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ VIII ГЛАВЫ ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ упренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предспади въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груди вашихъ горъ,
Долинъ, деревьевъ, сѣль узоръ
Разосплавъ былъ передо мною.
А шамъ, межъ хижинокъ Ташаръ . . . .
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною шоскою
Сшѣснялась пламенная грудь! —
Но, Муза! прошлое забудь:

Какія бѣ чувства ни павились,
Тогда во мнѣ—шеперъ ихъ вѣшь:
Они прошли иль измѣнились . . . .
Миръ вамъ, шревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ шу пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнь края жемчужны,
И моря шумъ, и груди скаль,
И гордой дѣвы идеаль,
И безыменныя спраданья . . . .
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэпическій бокаль
Воды я много подмѣшала.

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калипку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренкія шучи,
Передъ гумномъ соломы кучи—
Да прудъ подъ сѣнью ивъ гусшыхъ,
Раздолье ушокъ молодыхъ;
Теперь мида ивъ балалайка
Да пьяный шопошъ шрепака

Передъ порогомъ кабака,
Мой идеаль: жена хозяйка,
Мои желанія: покой,
Да щей горшокъ, да салъ большой.

Порой дождливою намедни
Я, завернувъ на скопный дворъ . . .
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я, разцвѣщая?
Скажи, Фоншанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Навсѣ твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ . . . . .
. . . . .

А. Пушкинъ.

О Ц В Ъ Т К Ъ .

(Глава изъ особаго сочиненія о
Природѣ).

Цвѣтокъ въ началѣ своемъ, пока онъ еще не раз-
крылся, представляется въ видѣ *распуколки* (*bouton*).

Каждый изъ нихъ всегда утверждён на особомъ сте-
белькѣ или *ножке* (*répice*), вершина коей, гдѣ по-
мѣщается нѣсколькими кругами части цвѣтка, назы-
вается *ложелью* (*resertacle*).

Въ то время, когда цвѣтокъ бываетъ еще распу-
колькою, его части *бѣлавы*, *спѣсненны* и *закупаны* въ
особыхъ сомкнутыхъ листикахъ зеленого цвѣта. Со-
браніе сихъ листиковъ называется *чашечкою* (*calice*).
Это первая, самая наружная часть цвѣтка. Разкры-
тіемъ оной начинается разцвѣтаніе. Тогда разпуска-
ются другіе листики, болѣе нежные по своему соста-
ву, разнообразіе и красивѣе по своимъ формамъ, и
уже не зеленые, но покрашенные и изпещренные, ино-
гда весьма блестящими красками. Листики сіи, назы-
ваемые *лепестками* (*répétale*), составляютъ собою вторую,
самую нарядную часть цвѣтка — *вѣнчикъ* (*corolle*). Они,
подобно листикамъ чашечки, бываютъ иногда отдѣль-
ны другъ отъ друга, напр. у розы, гвоздики, левкоя;
иногда сливаются своими краями въ одинъ сплошной
кругъ, какъ у сирени, ясмни. Такимъ образомъ чашеч-
ка и вѣнчикъ занимаютъ окружность ложа и составля-
ютъ въ цвѣткѣ *двойной нѣлогъ* (*répígone double*). У нѣ-
копорохъ однако же цвѣтковь, они какъ бы сливают-
ся въ одинъ *простой нѣлогъ* (*répígone simple*), то блес-
стящій красками вѣнчикъ — у амантиса, тюльпана, нар-
цисса и другихъ млечныхъ растений; то зеленый и
некрасивый — у крапивы, лебеды; иногда же снаружи

зеленый, какъ чашечка, а на внутренней сторонѣ цвѣт-
ной, подобно вѣнчику, напр. у Альбуки, Орнипогала.

Теперь посмопримъ внутрь цвѣтка. Тамъ находимъ
двоякаго рода части, кои наши ботаники издавна на-
зываютъ не весьма звучными, но къ сожалѣнію вкор-
пившимися именами *пестиковъ* (*pistil*) и *тычинокъ*
(*étamine*). Первые изъ нихъ занимаютъ самую средину
цвѣтка; основаніе ихъ, названное *завязью* (*ovaire*), на-
полненное съменными пузырьками и обыкновенно окру-
глое, выпягивается въ *столбикъ* (*style*) и оканчи-
вается *устьемъ* (*stigmat*). Вокругъ ихъ расположе-
ны тычинки, изъ коихъ каждая представляетъ *нитъ*
(*fil*) или нѣжный, однородный съ вѣнчикомъ спелбелскъ,
поддерживающій собою *пыльничку* (*anthère*) или голов-
ку, наполненную *цвѣтконою пылью* (*pollen*) — обык-
новенно золотистаго цвѣта.

Сія части успросны весьма разнообразно и красиво;
но онѣ не споль замѣсны съ перваго взгляда и не
оснаиваются на себѣ протснато вниманія, которое
весь цвѣтокъ видѣтъ только въ цвѣтномъ вѣнчикѣ.
Между тѣмъ онѣ составляютъ главное въ цвѣткѣ —
его сущность; а вѣнчикъ и чашечка суть только по-
кровы ихъ и наружное убранство. Природа дала имъ
сей скромный видъ, какъ бы съ намѣреніемъ отвлечь
отъ нихъ зазорное вниманіе протсполодиновъ великолѣ-
пиемъ вѣнчика, и смѣ блестящимъ покровомъ закрыть
отъ него тайну цвѣтка, открытую для воображенія
человѣка.

Тайна сія есть любовь. Періодъ цвѣщенія для ра-
стенія есть та пора жизни, когда оно готово жерт-
вовать бытіемъ своимъ для другихъ ему подобныхъ су-
ществъ, когда оно успремляется къ сей цѣли все силы
свои, собирающіяся въ цвѣткѣ. И никогда жизнь ра-
стенія не бываетъ такъ дѣшечельна, пламенна и роско-
шна, какъ здѣсь, гдѣ достигается она высшей степени
своего развитія, образованія и совершенства. Цвѣще-
ніе есть брачное торжество жизни растенія; а цвѣ-
токъ есть потъ чернаго, гдѣ торжествуется
любовь его такъ прекрасно и открыто, предъ лицемъ
солнца. Очнь многіе цвѣтки смыкаютъ на ночь свой
половь, какъ бы укрываясь подозрительнаго мрака.
Мало шакныхъ, кои Флора, скрывая отъ свѣтлозарнаго
Феба, повѣрляла бы звѣздной богинѣ. Въ примѣръ
сихъ растеній *дисплицихъ*, здѣсь можемъ, привесть
ночную красавицу, *Cactus grandiflorus* и двѣ, при си-
ленъ.

Благоншныя вещества, кои до тѣхъ поръ растенія
какъ бы про себя пали въ своихъ сокровенныхъ *млѣ-
тожкахъ*, во время цвѣщенія испаряются и наполня-
ютъ воздухъ эиромъ упоительныхъ благоуханій (1).
Цвѣщеніе нѣкопорохъ растеній сопровождается при-
мѣпной теплотою (2). Большая часть цвѣтковь ис-
почаюотъ изъ сока своего сладкій *нектаръ*, для коего